

Я.Н.В. — февр. 1999

Валерий Баринин

— Я хорошо помню, как ты начал в Театре Советской Армии.

— Это было не начало, а продолжение. После окончания Щепкинского училища я семь лет отработал в Ленинграде, в Александринке. Очень благодарен судьбе за то, что застал еще великих артистов — чем дольше живу на свете, тем больше понимаю, насколько они были великими. Режиссура только там была слабая, поэтому появление в стенах Александринки Ростислава Горяева стало событием. Он поставил «Вишневый сад», в котором я сыграл Петю Трофимова. Гениальный был спектакль, но прошел он всего 10 раз. Его мало кто видел, однако ленинградская и московская критика оценила очень высоко. Свободин приезжал на наш «Вишневый сад» и написал брошюру о нем. В театре спектакль не приняли, Горяев уехал в Москву и меня позвал с собой.

Есть такая роль, за которой я всю жизнь гонялся, а она всегда рядышком со мной проходила, да так и прошла. Макбет. Горяев меня этой ролью в Москву и выманил. Он очень интересно все придумал: молодой Макбет и молодая леди Макбет. Добрый злодей, который все приносит в жертву своей безумной любви. Все его преступления, его гибель — все основано на страсти, на любви к этой женщине. Горяев хотел, чтобы леди Макбет сыграла Людмила Касаткина, но она отказалась. Там в театре вообще была очень непростая ситуация, когда мы пришли. Горяева хотели подмять, а он не давался.

— А сейчас ты сыграл бы Макбета?

— Не знаю. Я два раза заводил на эту роль. Уже после ухода Горяева из театра Ион Унгуриан задумал ставить «Макбета» и пригласил меня. Работать с Унгурианом было очень интересно (мы встретились на «Молве», спектакле, после которого обо мне и пошел по Москве шорох как об интересном артисте). Я заводился, он мне очень много дал, но так уж сложилось, что Макбета я и у него не сыграл. В это время Юрий Еремин занял меня в «Идиоте», где я репетировал Рогожина. Унгуриан решил, что я его предал. В общем, роль опять прошла мимо меня. И третья попытка...

— А если бы нашелся режиссер, который соблазнил бы тебя неожиданным каким-то замыслом?

— Теперь надо было бы строить все наоборот — молодой Макбет и совсем молодая леди Макбет. Когда молодой человек любит молодую женщину, он ради этой любви готов на все пойти. Так же происходит и в том случае, когда молодой человек любит молодую женщину. Идея того, что человек пострадал от любви не к власти, а к женщине, очень меня греет. Потому что для меня именно добрый злодей. Когда на меня свалилась роль Президента в «Коварстве и любви» Шиллера, идея любви и увлекла.

— Ты считаешь, что роль «свалилась» случайно?

— Был ввод за неделю до премьеры. Я обычно очень быстро ввожусь, за мной по всем театрам кочует кличка «мастер быстрого ввода», у меня даже свои рекорды есть. Помню, года через два после моего прихода в Малый театр мы гастролировали в Алматы. Заболел артист, до спектакля полтора часа, а заменить не кем. Об отмене речи не могло быть. Я поставил за кулисами длинную лавку, вызвал суфлера Любу. Она говорит: «Валерий Александрович, как вам лучше подсказывать?» Я отвечаю: «Ни-

Валерий Баринин принадлежит к числу тех артистов, которым, кажется, неведомо, что такое не востребованность. Он занят постоянно — в театре (порой одновременно в нескольких), на телевидении, на радио, в кино. За ним не успеваешь уследить — только напишешь об одной театральной премьере, как он уже сыграл вторую и готовится к третьей. Может быть, поэтому не так часто находится у него время для интервью.

Пользуясь привилегией чуть ли не четвертьвекового знакомства и пристального внимания к тому, что он делает на подмостках московских театров, я все-таки рискнула попросить Баринина о встрече. И в разговоре нашем отчетливо проступило то, что я всегда видела в работах этого артиста: он все-таки типичный последний романтик, один из немногих, в ком не тлеет, а горит живое чувство.

Одиссея неисправимого романтика

как. Раздираем пьесу, раскладываем на лавке мои сцены, а ты сидишь и следишь за тем, чтобы никто близко не подошел и ничего не перепутал. Самую длинную сцену я выучил за те полтора часа, что у меня были, а дальше выскакивал за кулисы, заглядывал в текст и опять — на сцену.

И еще был случай, в Театре Армии. Тоже на гастролях — шел спектакль «Моя профессия — синьор из общества». Гастроли заканчивались, Владимир Михайлович Зельдин уже улетел, должен был играть Костя Захаров. А у него опоясывающий лишай, играть не может. Роль — 113 страниц, впереди ночь, положение безвыходное. Надо было решаться, и вдруг Паша Цитринель мне говорит: «Нет, старик, это неподъемно, я бы отказался. Я разозлился и взялся. Ночью учил текст, утром пришел на репетицию. И произошел совершенно фантастический случай. На репетиции все старались мне помочь, подсказать.

Наступил вечер. Первая сцена — женщины сидят и разговаривают о своем, а я спускаюсь по лестнице с фразой: «Женщины, я проснулся!» Зал битком набит, артисты все столпились за кулисами, волнуются. Я спускаюсь после своих слов и вдруг играющая одна из женщин Рая Савельева протягивает мне руку для поцелуя. На репетиции этого не было. Я целую руку и забываю все на чисто. Понимаю, что надо уходить, ничего не могу вспомнить. Поворачиваюсь, поднимаюсь по лестнице, по которой только что спустился. И вот в этот момент вдруг все вспоминаю. Слава богу, удалось все обыграть — как будто мне не понравилось, как они меня встретили, я ушел от них и снова вышел с фразой: «Женщины, я проснулся!» Господи, что мы творили! Это был лучший спектакль в моей жизни! Но больше я никогда эту роль не играл — просто не мог. Вообще, я заметил, когда играешь срочный ввод, через 10-12 спектаклей роль из тебя уходит. Поэтому я всегда играл спектакль на вводе только один раз. Но все равно я очень ввожу люблю.

— А что ты любишь больше: когда с тобой долго работают или ввод?

— И то, и другое. Сейчас я, пожалуй, больше люблю действенную режиссуру, потому что, мне кажется, больше стал понимать в профессии режиссера. Если к пониманию актерской профессии я пришел давно, то есть давно понял, что ничего в ней не понимаю, то сейчас я понял это и о режиссуре.

— А попробовать свои силы в режиссуре не хочешь?

— Вероятно, на мне стоит актерская печать. Мне уже 53 года, но я еще не наигрался. Может быть, я занялся бы не режиссурой, а педагогией, но не в институте, а именно в самом театре.

— Почему не в институте?

— Понимаешь, меня мучит судьба ребят, которые там учатся. Они пришли с надеждами, но из 20-25 человек артистов-то получится два-три. Я понимаю, что они как-то устроятся в жизни, не пропадут, но я бы не мог постоянно чувствовать ответственность — учить той профессии, в которой их неизвестно, что ждет.

Другое дело, те, кто уже работает в театре, — с ними я с радостью занимаюсь.

— Есть ли пьеса, которую ты очень хотел бы поставить?

— «Таланты и поклонники» Островского, одна из любимых моих пьес. Островский вообще одно из последних моих открытий. У меня в жизни три таких автора — Чехов, Достоевский, Островский.

В Чехове для меня была масса актерских открытий, откровений. Самое главное — знать о герое все: какие запахи ему нравятся, какая музыка, какие женщины, как он ложится спать, как просыпается, как застегивает рубашку, как чай пьет. Вот есть в «Вишневом саду» такой эпизод: Раневская упрекает Гаева, что он привез ее в ресторан, где скатерти пахнут мылом. Я человек деревенский, для меня запах мыла — запах чистоты, а Раневская — аристократка, ее запах мыла раздражает. Понимаешь, если работать на уровне запахов, можно все о человеке понять! И с годами я приобрел уверенность: если все

знать о герое, все обязательно получится. Образ возникнет. Это особенно важно, когда играешь любовь.

Есть у артиста такое место в душе, которое называется театр. Туда не пускается никто, ничто, кроме театра. Я об этом много говорил с нашими молодыми артистами, когда мы репетировали Шиллера.

— Хорошо, что вы все-таки вернулись с тобой к твоей последней премьере. Президент Вальтер, конечно, не Макбет, но все же...

— Мне впервые в жизни не хватило времени, помешало, что это был ввод, а не длительный процесс работы. Я впервые в жизни подумал: Господи, у меня нет времени на погружение. Поэтому, наверное, мне недостает в этом спектакле любви. Любви Президента к сыну. Ведь он поступает не по совести и сам это хорошо понимает, но будущую жизнь своего сына видит так и только так: благополучие, карьера... Я принципиальный противник того взгляда, что карьеру он делал для себя — нет, только для сына, из любви к нему. Вот этого болевого момента мне пока в спектакле не хватает.

Знаешь, мне давно уже хочется драматическую роль довести до такого накала, и себя довести, и партнеров, и зрителей, чтобы в конце концов остановиться и сказать: ребята, все! Дальше я не знаю, как играть — у меня не хватает сердца, сил, давайте, я вам просто своими словами расскажу, что там дальше случится. Извините, я не могу играть.

Я попытался это сделать в финале «Трудового хлеба», просто мечтал о таком финале. Может быть, когда-нибудь мне удастся этого добиться в Президенте. Чудо театра в том и состоит, когда я не могу играть. Не потому, что неважно себя чувствую, выпил вчера или пьеса не очень нравится, а потому, что сердце разорвется, запас жизни кончится. Если добраться до такой ноты... Странная мечта.

— А в кино, как ты думаешь, возможно добраться до такой ноты?

— Я воспринимаю это так: существует текст, партнеры, режиссер, оператор, свет. Но существует еще одно чудо — пленка. Она там крутится в камере, и я ее физически ощущаю. Ощущаю, как от меня отражается свет, летит туда, на серебро, и там остаются мои эмоции, чувства, все, что во мне живет. Это очень близко к театру. Люблю «ловить зал», кожей его ощущать — вот великое, но редко достижимое актерское счастье. И в кино я понимаю — направили на меня фоари и полетело солнце, разрушило серебро, запечатлелось, осталось там...

Я и на радио очень люблю это чувство, вообще больше всего люблю работать на радио, там совершенно отдельный мир, особенно когда пишешь один. Сейчас, к сожалению, такой возможности почти нет, радио стало другим. Еду в машине, слушаю — диджей, полуграмотные, прилпатненные, от одной их интонации с ума можно сойти. Но мне сказочно повезло — я записал на радио Бунина, Шмелева, Лескова. Все мои земляки, орловцы.

На радио сидишь один — перед тобой микрофон, тысяча дырочек и физически ощущаешь, как впускаешь себя туда и на миллион ушей это расходится. Удивительное ощущение.

— Мне кажется, у тебя романтическое отношение к профессии.

— Это, наверное, от природной глупости.

— Глупость с годами проходит, а у тебя, похоже, на романтизме все держится.

— Я всегда очень много работал — был период, когда играл одновременно в пяти театрах, снимался, записывал на радио. Это был вопрос актерской жадности — не материальной, как ты понимаешь, хотя и это играло иногда свою роль.

— А бывало, когда ты все-таки соглашался работать только ради денег?

— Была одна такая картина «Клан», когда все кинулись отмыкать в кино деньги. Я играл милиционера-убийцу из сочинской мафии, человек пять убили на протяжении фильма. Вообще, я за свою экранную жизнь много народу погубил: душил, убивал, взрывал. Мама моя переживает, когда я злодеев играю, ей, по-моему, за меня стыдно и неловко становится.

Конечно, это была работа ради заработка, но вообще, мне кажется, у артиста есть одна мерзкая черта — и у меня она еще как есть! — страх, что ты вдруг окажешься ненужным. Раздаются звонки, тебя приглашают, и ты не можешь сказать «нет». Умом понимаешь, что не хватит ни времени, ни сил, но какой-то страх суеверный сковывает.

Периодами накачивает, может явиться в самый благополучный момент. Вот с сентября 1998-го по январь 99-го у меня в Малом театре вышли три премьеры — «Бешеные деньги», «Трудовой хлеб» и «Коварство и любовь». Это очень много, но... Все равно бывает, что просыпаешься по ночам с мыслью: зачем я живу? Как жить дальше? Тогда страх и подступает. Я последнее время постоянно повторяю паразитические строчки Арсения Тарковского, на которые случайно наткнулся и сразу их запомнил:

Все на земле живет порукой круговой,
Созвездья, и земля, и человек,
и птица,
А кто служил добру, летит
вниз головой
В их омут царственный и смерти
не боится...

И горько стало мне, что жизнь моя прошла...
Это состояние дорого мне в моем герое Ахове. Вообще, спектакль «Не все коту масленица», который идет в театре «Человек» в постановке Виктора Шамирова, один из моих любимых. Жаль, что идет он так редко. Шамиров открыл для меня какой-то совершенно другой театр, мне очень интересно с этим режиссером, в чем-то важном мы совпадаем.

Жран и Сцена